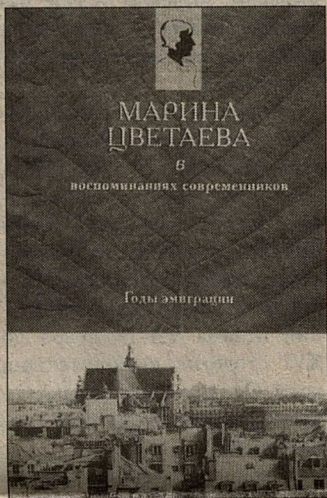
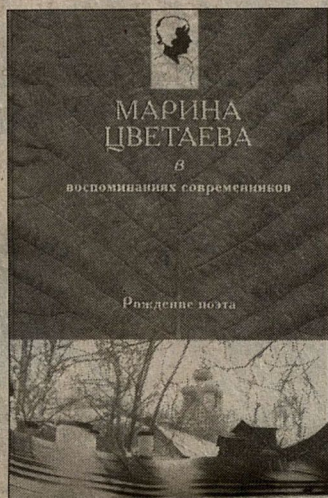


# Счастливым даром и Марина Цветаева

## Никогда не разговаривайте со знаменитостями



**Александр Самойлов**

**Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Рождение поэта. Сост. Л.Мнухин, Л.Турчинский – М.: Аграф, 2002, 352 с. Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции. Сост. Л.Мнухин, Л.Турчинский – М.: Аграф, 2002, 336 с.**

Вышли в свет две из запланированных трех книг воспоминаний о Марине Цветаевой. Что представляют из себя такие сборники – известно. Мемуаристы через несколько десятков лет путают даты и детали, вроде цвета глаз описываемого лица: у Цветаевой они получаются то зеленые, то серые, то карие. И сама Марина Ивановна предстает то мужеподобной, то женственной и т.д. Иные авторы знают свой грех и признаются в нем, кто кокетливо, кто простодушно: «Здесь говорят, что я, оказываясь, в чем-то помогал Цветаевой, устраивал ее вечер. Ничего этого я абсолютно не помню» (Алексей Эйсер). А иные, как, например, Марк Слоним, литературный редактор пражской газеты «Воля России», напротив, помнят о своей помощи многое.

Биография Цветаевой известна – нет нужды повторять ее здесь. Творческий путь – удел литературоведов, а к воспоминаниям обращаемся мы, чтобы узнать поэта в жизни, неизвестно, правда, зачем. Вряд ли для того, чтобы что-то понять, потому что, читая мемуары, неизменно понимаешь одного только мемуариста. Поэтому, наверное, составители сборника поставили на первое место «за целостность образа» воспоминания Ариадны Эфрон, в которых дочь вполне сознательно уходит в

ть своей матери. Более бесхитростны в этом смысле и скромные воспоминания гимназических подруг, в которых Цветаева неоригинально сравнивается с экзотической птицей, и сменяющий их изысканный слог историка искусств Николая Еленева, сравнившего поэта с изображением пажа на ватиканской фреске «La Messa di Bolsena». Словом, как и положено, образ поэта дан в развитии, но ведь нелепо требовать, чтобы он был чеканным. Тем более что некоторые общие моменты присутствуют. Так, например, всем известно, что Марина Ивановна носила простые одежды, предпочитала браслеты из серебра и была никудышной хозяйкой. Ее противоположность быту была фантастической, а в иных случаях и ужасной, о чем – в мемуарном очерке Альшуллера, носящем интригующее название «Марина Цветаева: воспоминания врача».

Вспоминают и о том, что Цветаева подчас влюблялась не в человека, а в созданный ею самый мираж, и впоследствии, сталкиваясь с реальностью, горько разочаровывалась. Нам, любопытным читателям мемуаров, такое разочарование, разумеется, не грозит, и мы вольны вообразить себе Цветаеву какой угодно, благо, что те же мемуары прекрасно этому способствуют.

В дневниковой записи писательницы Христины Кротковой, помещенной во второй книге, есть простые и грустные слова: «Пуще всего нельзя знакомиться со знаменитостями (а хочется, все надеешься, что они интереснее обыкновенных людей). Иллюзии всегда терпят крушение при соприкосновении с действительностью, а редко кто обладает счастливым даром любить действительность».